

Российский государственный гуманитарный университет
Центр типологии и семиотики фольклора

Комментарий
как способ понимания устного текста
внутри и вне фольклорной традиции

Материалы круглого стола

Москва, РГГУ, 20 апреля 2023 г.

Москва 2023

УДК 398

ББК 82.0

К 63

Составитель

В.А. Черванёва

К 63

Комментарий как способ понимания устного текста внутри и вне фольклорной традиции: материалы круглого стола (Москва, РГГУ, 20 апреля 2023 г.) / сост.: В.А. Черванёва. М.: РГГУ, 2023. 20 с.

© Коллектив авторов, 2023

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2023

Содержание

<i>Алпатов С. В.</i> Комментарий как герменевтический ключ к фольклорным компонентам фольклорных текстов «третьей культуры»	5
<i>Ахметова М. В.</i> Метаязыковая формула ответа как речевой /фольклорный жанр	6
<i>Веселова И. С.</i> Как рассказывать хорошие истории и как их хорошо опубликовать	7
<i>Воробьев В. А.</i> Студенческая песня в комментариях фольклористов, композиторов, студентов etc.	8
<i>Джапуа З. Д.</i> Опыт комментирования эпических текстов в академическом издании абхазского нартского эпоса в десяти томах	9
<i>Иванова А. А.</i> Мемуары народной певицы А.И. Глинкиной: к проблеме «комментарий как способ понимания устного текста»	11
<i>Курзина Н. А.</i> Комментарии сказочников к своим сказкам	12
<i>Матлин М. Г.</i> Реальный комментарий исполнителей к поздней балладе: между фактом и нарративом	13
<i>Михайлова Т.А.</i> Животные, принадлежащие императору..., или списки саг как памятник палеофольклористики	15

<i>Топорков А. Л.</i>	
Проблемы комментария в изданиях русского магического фольклора	16
<i>Христофорова О.Б.</i>	
Возможен ли эмный комментарий к фольклорному тексту?	16
<i>Черванёва В.А.</i>	
Комментарий к устному тексту как речевой жанр	18

Алпатов Сергей Викторович

д. филол. н., доц. кафедры русского устного народного творчества
МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Комментарий как герменевтический ключ к фольклорным компонентам фольклорных текстов «третьей культуры»

Определение структуры и интерпретация значения фольклорных компонентов в составе документов парафольклорной и одновременно паралитературной природы (рукописные альбомы, записные книжки, мемуары, газетная публицистика и эссеистика) представляет для исследователя задачу с многомерной оптикой: создатель письменного текста может выступать и как полноценный «носитель традиции» (например, представитель «третьей культуры»; студенческой, солдатской, конфессиональной «субкультуры»), и как сторонний наблюдатель, фиксирующий экзотический для него социокультурный феномен. В этой ситуации решающим фактором становятся разного рода комментарии, встроенные / обрамляющие фрагмент текста, опознаваемого исследователем либо самим создателем письменного документа в качестве фольклорного.

Наглядным примером обсуждаемой проблемы служит герменевтический казус формулы «Пишет, пишет король прусский государыне французской мекленбургское письмо», понимаемой каждым из носителей / фиксаторов этого топоса по-своему в зависимости от их историко-культурного бэкграунда. Г.П. Федотов в 1929 г. видит в данной строке инципит исторической песни XVIII в., демонстрирующий абсолютное непонимание народными массами государственной внешней политики. П.Н. Ткачев использует ее в 1878 г. как литературный «мем», позволяющий иронически деконструировать современные российские философские штудии. А.О. Смирнова-Россет утверждает в своих мемуарах, что это салонное бонмо ее лондонского круга 1860-х гг., восходящее к казарменному юмору начала XIX в.

Комментарий А.Л. Налепина (2022) предлагает включить в литературный претекст исследуемого топоса вольнодумный «Разговор в царстве мертвых мадам Помпадур и девы Марии» Фридриха II (опубл. 1789). Автор настоящих строк связывает изучаемую формулу с

образцами европейской традиции «святых писем» типа “The Mechelburg Himmelsbrief in dem Lande Britania” (1725).

Ахметова Мария Вячеславовна

к. филол. н., ст. науч. сотр., Российская академия государственной службы и народного хозяйства при Президенте РФ (Москва)

Метаязыковая формула ответа как речевой /фольклорный жанр

В докладе предполагается рассмотреть один из типов вербальной реакции на представляющееся говорящему нерелевантное словоупотребление. Такие высказывания типологически близки так называемым формулам ответа (стереотипным репликам, повторяющим особенности предшествующего речевого акта собеседника и указывающим на его неуместность, наподобие [*Куда?*] — *На кудыкину гору*), при этом на первый план в них выходит метаязыковая составляющая. В их рамках цитата из речи собеседника помещается в более подходящий контекст, тем самым говорящий дает понять неуместность использованного слова. Рассматриваемые высказывания, зачастую воспроизводящиеся систематически и задействующие языковую игру, касаются как «общей» культуры речи (например, реакция на слово *кушать*: «Кушают только дети и дорогие гости»), так и определенных речевых конвенций, принятых в данной социальной /профессиональной группе (например, реакция на слово *дуло* у военных: «Дуло из форточки, а у оружия ствол» или реакция на слово *дырка* у учителей труда: «Дырка у тебя в носу, а в детали отверстие»).

Подобные метаязыковые формулы ответа прагматически реализуют прежде всего стратегию коммуникативного доминирования и в коммуникации могут иметь инициационную, агоническую и мнемоническую функции. Предполагается сопоставить их с близкими речевыми /фольклорными жанрами, как носящими, так и не носящими метаязыковой характер.

Веселова Инна Сергеевна
к. филол. н., доц., АНО «Пропповский центр: гуманитарные
исследования в области традиционной культуры»,
филологический факультет СПбГУ (Санкт-Петербург)

Как рассказывать хорошие истории и как их хорошо опубликовать

Пояснения в устном рассказе и комментарии при их печатной публикации служат общей цели – сделать высказывание более понятным слушателю и читателю, но достигается эта понятность по-разному.

Согласно теории речевых актов Дж. Остина, речевые акты делятся на «констативы», которые оцениваются как «верные» или «неверные», и «перформативы», которые могут оцениваться как «удачные» или «неудачные». Рассмотрим сказочные и несказочные фольклорные нарративы в соответствии с этим разделением. При рассказывании историй сказочных (недостоверных) жанров на первый план выходит оценка удачности акта речи, так как заведомо вымышленный рассказ сложно оценить как верный или неверный. Достоверные повествования по определению достойны той или иной степени веры (рассказчика и слушателей) в излагаемые события и их интерпретацию. Однако опыт исполнения такого рода рассказов и опыт их слушания убеждает в том, что они так же, как и вымышленные, могут быть удачно или неудачно исполнены. Полагаю, что устное рассказывание вне зависимости от наличия или отсутствия установки на достоверность является перформативным актом, более или менее удачно совершающим действие (переживания, соучастия, научения, суждения) при помощи слов.

Удачность действия определяется умением исполнителя вовлечь слушателя в перформанс, что можно сделать за счет использования личного имени слушателя как имени персонажа, размещения событий в узнаваемом пространстве, обращения к слушателю с наводящими вопросами. Рассказчик достоверных историй о встречах со сверхъестественным знакомит слушателя с действующими лицами (родственниками, соседями), с обстоятельствами их жизни, с местами, в которых разворачиваются события. И лишь так метафизическая интерпретация работает. Устное рассказывание и достоверных, и

недостовверных историй требует общего для слушателя и исполнителя «здесь и сейчас», чтобы затем преодолеть его пределы (пространственные, временные, социальные) для совместного понимания и переживания, или, в терминах понимающей социологии (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), для конструирования интересубъективной социальной реальности.

При переводе фольклорного перформанса в печатную форму и транспонировании «здесь и сейчас» межличностной коммуникации в опосредованную эффект присутствия утрачивается, а действенность перформанса снижается. Публикатор старается включить воображаемого читателя в коммуникацию за счет развернутого аппарата издания, преодолевая абстрактность адресата. Аппарат работает или на объективацию и типизацию публикуемых речевых актов (указатели сюжетов, мотивов, жанровая атрибуция), или на компенсацию утраченной субъектности исполнителей и слушателей (речевые портреты, более широкий контекст бесед, постраничные комментарии). Так публикатор обращается к своему воображаемому читателю, стараясь сделать печатную коммуникацию более успешной.

Воробьев Василий Александрович
аспирант Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ
(Москва)

Студенческая песня в комментариях фольклористов, композиторов, студентов etc.

Формирование понятия «студенческая песня» можно датировать сороковыми годами XIX в. В это время концепт зарождается, и далее складывается конкретное представление о студенческой песне, которое фиксируется прямыми комментариями, определенным корпусом текстов, устойчивой топикой. Безраздельное существование понятия продолжается вплоть до конца XIX столетия, прерываясь на рубеже веков. В СССР осмысление этой жанровой разновидности разделилось преимущественно на «студенческие песни» и «песни молодежи». Я предполагаю рассмотреть сумму пониманий феномена песен студентов вплоть до XXI в. В докладе я суммирую данные разных источников –

публикаций студенческого фольклора, исследовательских работ, эго-документов и мемуаров, которые имеют отношение к формированию понятия «студенческая песня», различным регистрам и этапам этого понимания. Наиболее важными оказываются факты издания песенников, по которым можно осмыслить разные позиции собирателей и составителей сборников. Важен также сторонний взгляд мемуаристов и некоторые данные по соответствующим словоупотреблениям. Все эти сведения дают разностороннее понимание студенческой песни, контекстов ее бытования, того, насколько было распространено осмысление самого этого субжанрового образования. Понятие «студенческая песня» первоначально возникло как окказиональное, спонтанно найденное обозначение, которое базировалось на эмпирическом знании собирателей о песнях, бытующих в студенческой среде, и манифестациях этого знания. Впоследствии понимание закрепилось в традиции в качестве термина, обозначающего определенную (довольно конкретную) группу текстов.

Я планирую также обратиться к портретам людей, которые эту песню собирали, популяризировали и комментировали с разных позиций.

Джапуа Зураб Джотович

д. филол. н., проф., академик, президент Академии наук Абхазии, иностранный член РАН, директор Центра нартоведения и полевой фольклористики АГУ, гл. н. с. Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА (Сухум, Абхазия)

Опыт комментирования эпических текстов в академическом издании абхазского нартского эпоса в десяти томах

Как известно, в эдиционной работе основным составляющим научно-справочного аппарата являются комментарии к текстам.

Доклад посвящен принципам и порядку комментирования эпических текстов в академическом собрании «Нарты: Абхазский героический эпос. В десяти томах» (редактор-составитель

З.Д. Джапуа), работа над которым длится без малого 40 лет и к настоящему времени почти завершена.

Первые восемь томов содержат 1 020 текстов абхазского нартского эпоса на языке оригинала, составляющих подавляющее большинство архивных и печатных материалов со всеми вариантами, сохранившимися ко времени составления десятитомника. Девятый и десятый тома посвящены части нартских сказаний в переводе на русский язык. Тексты в томах систематизированы по персонажам и циклам, а внутри циклов – по сюжетно-тематическому принципу.

В десятитомнике комментарии используются как инструмент понимания эпических текстов, и составлены они в следующем порядке. Комментарий к каждому сюжету начинается с аннотации, в которой дана краткая текстологическая и семантическая характеристика того или иного эпического сюжета. Далее следуют паспортные данные и текстологическая история текста (способ записи, кто записал, от кого записан, место хранения, опубликован / не опубликован, основные особенности сказания в абхазской и других северокавказских версиях нартского эпоса, степень традиционности и популярности произведения, сведения о вариантах и т. д.), также, по возможности, подробные данные об исполнителе (примечательные подробности биографии, внешность, информация о занимаемом им месте в общественной жизни, о его учителях, учениках, образе жизни, особенностях репертуара, манере исполнения и проч.). Краткий или наиболее развернутый очерк о сказителе приводится (там, где удалось собрать сведения) в томе один раз, в следующих его текстах указаны отсылки к его биографии. Таким образом, в комментариях к текстам особое внимание уделяется текстологической характеристике текстов, их содержанию, также значимым биографическим фактам, фольклорным знаниям и мастерству сказителя.

На мой взгляд, своеобразными комментариями к текстам или существенно дополняющими их можно считать различные указатели, приложенные к каждому тому: указатели сказителей, собирателей, мест записей, годов записей, аудио- и видеозаписей, рукописных записей, архивных, опубликованных, неопубликованных и т. п. Также в последнем (восьмом) томе текстов на языке оригинала размещены сводные и развернутые структурно-семантические указатели, в том числе указатели сюжетно-тематического состава текстов, эпических

персонажей, мест эпического мира, эпических предметов и основных понятий, в которых материал группируется по семантическим гнездам.

В десятитомном издании текстов абхазского нартического эпоса для понимания произведений предприняты и некоторые другие текстологические процедуры, о которых подробнее будет изложено в докладе.

Иванова Анна Александровна

к. филол. н., доц., кафедра русского устного народного творчества
МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Мемуары народной певицы А.И. Глинкиной: к проблеме «комментарий как способ понимания устного текста»

В докладе опубликованные мемуары известной народной певицы А.И. Глинкиной¹ будут рассмотрены с позиции основной проблематики конференции, а именно: эмический комментарий к фольклорным текстам разного жанрового статуса, органично встраиваемый в разнообразные жизненные практики (социальные, семейные, обрядовые, игровые и проч.), как способ их восприятия и интерпретации. Подобная оптика анализа позволяет более корректно понимать, как формируются и работают аттракторы фольклорной памяти, как «коллективный» фольклорный текст и «субъективный» комментарий к нему соотносятся с действительностью и др.

¹ *Глинкина А.И.* Невольное детство: воспоминания / под ред. и со вступ. ст. В.М. Щурова. М.: Луч, 2007. 176 с.

Курзина Надежда Александровна
науч. сотр. АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования
в области традиционной культуры»;
мл. науч. сотр. отдела этнографии Австралии, Океании и
Индонезии МАЭ (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)

Комментарии сказочников к своим сказкам

В докладе мы рассмотрим сказки из фольклорного архива СПбГУ и АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры», записанные на Русском Севере (Вологодская и Архангельская область) с 1978 по 2022 год. В данный момент эти тексты готовятся к публикации в сборнике «Севернорусские сказки в новых записях». При подготовке материалов к изданию мы обратили внимание на то, что в большинстве случаев не можем отделить сказочный сюжет от ситуации рассказывания сказки, так как сказка чаще всего представляет собой не монолог, а коммуникацию сказочника с аудиторией. То есть предмет нашего интереса – живая речь, а не текст, а значит, комментарии рассказчика к своему рассказу так же важны, как и сюжет сказки. В статье «Севернорусская сказка как речевой жанр»² Н.М. Герасимова отмечает: «Сказочнику необходимо не только рассказать *о событии*, но и *рассказать о событии*»³. То есть само рассказывание сказки и является её созданием, а значит оказывается важен не только непосредственно ход сюжета, но и реакция аудитории, личность адресата и адресанта сказки, а также те ремарки, которые рассказчик включает в свой рассказ. Так, например, прагматика текста сказки про Лису и волка (СУС 1, 2) становится более явной, если мы учитываем комментарий сказочника, который он даёт в конце: «(Вот, видишь, лиса какая хитрая. Вот эти вот бабки <показывая на жену – соб.> хитрей лисы!)». В нашем издании, чтобы наиболее полно передать коммуникативную ситуацию, мы публикуем тексты вместе с речевыми портретами сказочников, частями интервью,

² Герасимова Н.М. Севернорусская сказка как речевой жанр // Герасимова Н.М. Прагматика текста. Фольклор. Литература. Культура. СПб.: РИИИ: СПбГУ, 2012. С. 70–91.

³ Герасимова Н.М. Указ. соч. С. 75.

предшествующими сказке и следующими после неё, а также оставляем в тексте комментарий сказочников к своему рассказу.

Матлин Михаил Гершионович
д. филол. н., проф. кафедры русского языка, литературы и журналистики УлГПУ им. И.Н. Ульянова (Ульяновск)

Реальный комментарий исполнителей к поздней балладе: между фактом и нарративом

Доклад посвящен тому типу комментариев, которые в филологической текстологии получили название реальных. Под ними, как известно, понимается объяснение исторических реалий (лица, предметы, понятия, события), составляющих важнейшую сферу художественного мира произведения. Соответственно, его назначение – помочь читателю «в усвоении забытых или утерянных значений» этих реалий⁴ или, как писал еще С.А. Рейсер, восстановить то, «что забыто за истекшие десятилетия или века»⁵.

В фольклористике, в отличие от литературоведения, реальный комментарий не ограничивается исключительно научной сферой; иногда он становится важным аспектом коммуникации между исполнителем и собирателем, при которой комментатором становится сам носитель традиции. Эту особенность отметил в свое время К.В. Чистов: «Сказка, предание, песня, былина могут стать частью беседы, которую ведут двое или коллектив участников, обрести своеобразный контекст, не только стимулирующий исполнение интересующего нас произведения, но и заключающий элементы его истолкования»⁶.

⁴ Барут К. О направлениях и пределах комментирования художественного текста. По поводу статьи К. Исупова // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 283.

⁵ Рейсер С.А. Основы текстологии: учебное пособие для студентов педагогических институтов. Изд-е 2-е. Л.: Просвещение, 1978. С. 156.

⁶ Чистов К.В. Современные проблемы текстологии русского фольклора. Доклад на заседании эдиционно-текстологической комиссии V Международного съезда славистов. М.: [б. и.], 1963. С. 8.

В некоторых случаях такие комментарии могут быть инициированы не собирателем, а исполнителем и предназначены другим членам конкретного сообщества, в том числе представителям молодого поколения. В литературе реальные комментарии, даваемые самим автором, т. е. автокомментарии, чрезвычайно редки. Более того, некоторые из них, как, например, комментарии А.С. Пушкина в «Полтаве», «Медном всаднике» и «Евгении Онегине», таковыми не являются, как считает С.А. Рейсер. Обосновывая данное положение, он указывает на статью Ю.М. Лотмана «К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина (Проблема авторских примечаний к тексту)», в которой отмечено, «что эти примечания имеют совершенно особую, конструктивную роль в развитии сюжета и сложно связаны с литературной позицией и творческим методом Пушкина в определенной эпоху»⁷.

В качестве примера такого реального комментария рассматриваются объяснения, даваемые исполнителями поздней баллады «Прю апрельскаю ночку тёмную», записанной в с. Троицкий Сунгур Ульяновской области, реальной основе ее сюжета – убийству мужем молодой жены. Показано, что представители разных поколений, во-первых, знают о жизненной основе баллады, во-вторых, уверенно оперируют отдельными, хотя порою противоречивыми сведениями о трагическом событии. И, в-третьих, только те, кто еще застал его участников, не только обладают максимальным знанием этой реальной основы текста, но и ретранслируют ее иногда в виде сюжетно оформленного нарратива, осмысливающего данное убийство с точки зрения традиционных народных представлений о колдовстве и порче как причине, подвигнувшей человека на ужасное преступление. В результате такой комментарий приобретает статус самостоятельного текста и может быть квалифицирован как мифологический нарратив (быличка) одной из традиционных тематических групп. В данном случае это мотив, который в указателе Н.В. Петрова обозначен как «VI.Б.2.2.5. Порчу наводит соперник/соперница, так как хочет увести мужа/жену»⁸.

⁷ Рейсер С.А. Указ. соч. С. 156.

⁸ Петров Н.В. Указатель мотивов к публикуемым текстам // Знатки, ведуньи и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере. 2-е изд., испр. М.: ФОРУМ; Неолит, 2016. С. 420–421.

Михайлова Татьяна Андреевна
д. филол. н., проф., Институт языкознания РАН, РГГУ (Москва)

***Животные, принадлежащие императору... или списки саг как
памятник палеофольклористики***

Доклад посвящен необычному для средневековой ирландской рукописной традиции в целом тексту – так называемому «списку саг», сохранившемуся в трех редакциях, датирующихся X–XII вв. Предположительно, за ними стоит устная мнемоническая традиции метризованной фиксации знания. Дошедшие до нас списки предварены небольшим предисловием, отсылающим к традиции описания школ обучения древнеирландских поэтов и историков – филидов, в частности к указанию на число и «жанры» саг, которые требовалось выучивать на каждом году из 12 лет обучения. Общее число саг – 350 – предположительно соотносилось с числом дней в году: каждый вечер требовал своего текста, что отчасти сохранилось еще в XIX – начале XX в. в среде традиционных рассказчиков на Западе Ирландии. В самих списках встречаются как реальные, дошедшие до нас саги, так и саги, сохранившиеся под другим названием, а также саги вообще неизвестные. Цель доклада – оспорить существующее распространенное мнение, что данные «неизвестные» саги просто до нас не дошли, но существовали, причем уже в рукописной форме (иначе они не могли бы попасть в списки). В ряде случаев, возможно, это действительно так, однако в целом данные списки, составленные уже в монастырской среде, классифицируют на самом деле не саги как тексты (будь то тексты письменные или еще устные), но предания, как исторические, так и вымышленные (также бытовавшие как в письменной, так и в устной форме). Намеченные компиляторами списков «жанры» саг (Смерти, Битвы, Рождения, Разрушения крепостей и проч.) на самом деле представляют собой не собственно группы текстов, но опорные события в биографии короля, героя или локальной этнической группы – события, которые были достойны меморизации. Ср. списки саг и записи в *Анналах*. Ср. также история и псевдоистория глазами среднеирландской ученой традиции.

В докладе также ставится вопрос об установке на достоверность традиции в среде ее фиксаторов. Ср. знаменитые латинские строки,

завершающие эпопею «Похищение быка из Куальнге»: ...но я, записавший эту повесть, а вернее сказку, ничуть не верю тому, что здесь говорится...

Топорков Андрей Львович

д. филол. н., чл.-корр. РАН, гл. науч. сотр. ИМЛИ РАН (Москва)

Проблемы комментария в изданиях русского магического фольклора

В докладе предлагается обзор ряда научных изданий магического фольклора за последние 30 лет и дается характеристика их научного аппарата, главным образом комментариев и указателей. Констатируется отсутствие единых эдических правил и требований в изданиях магического фольклора. К сожалению, ряд изданий сопровождается минимальными комментариями, которые сводятся к описанию шифров архивного хранения или места записи тех или иных текстов. В некоторых изданиях приводятся также указания на варианты текстов, опубликованные в предшествующих изданиях, однако эти указания имеют неполный характер. В докладе предлагается матрица для составления комментариев в изданиях рукописных и записанных изустно коллекций русского магического фольклора.

Христофорова Ольга Борисовна

д. филол. н., проф., директор Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ (Москва)

Возможен ли эмный комментарий к фольклорному тексту?

Комментарий, согласно энциклопедическим словарям, представляет собой толкование, разъяснение текста (от лат. *commentarius* ‘заметки, толкование’). В комментарии можно выделить содержательную сторону (уточнение, добавление информации, прояснение позиции автора текста и т. д.) и оценочную (согласие или несогласие с ней,

которое также может быть выражено через сообщение информации, либо оценка самого исполнения).

С другой стороны, когда мы смотрим на этот термин как на исследовательский инструмент, мы обнаруживаем у него широкое поле значений, требующее уточнений и оговорок. В частности, чем комментарий является по отношению к фольклорному тексту – дополнением, оценкой, чем-то еще? Что он делает с текстом – изменяет его или нет? Является ли он сам самостоятельным текстом? Вопросы можно множить. Подчеркну, что в данном случае я говорю о комментировании внутри традиции (эмном), а не о внешнем исследовательском комментарии, который, впрочем, столь же важен для восприятия текста, т. е. для его трансформации.

После работ Барта и Фуко, стало, кажется, общим местом, что каждый комментатор (и каждый читатель) меняет изначальный текст, создает новое пространство смыслов. По Барту, текст не принадлежит автору, так как не возникает из его личного опыта, а «соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников», и «вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор <...>, а читатель»⁹. Смысл текста формируется на пересечении того, что говорит автор и что понимает читатель, и второй – интерпретатор – здесь главный, как и в естественном языке. Причем и сам язык, с точки зрения лингвистов, представляет собой коммуникативную систему-комментарий к событиям окружающего мира, действиям и словам других, собственным поступкам, соматическим и эмоциональным состояниям: слова – это ярлыки для вещей, предложения – ярлыки для ситуаций, стремление комментировать и интерпретировать – явные «страсти» человека¹⁰.

Итак, если даже письменность и издательское дело не гарантируют тексту стабильности и неизменности, если он создается заново при каждом новом прочтении, то тем паче нельзя гарантировать это тексту устной традиции, по определению нестабильному, изменчивому, варьирующему. И если первичная моделирующая система – это система-комментарий, то вторичные, очевидно, следуют за ней; во

⁹ Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс: Универс, 1994. С. 388, 390.

¹⁰ Бурлак С.А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 205–208.

всяком случае, это несомненно так в отношении фольклора. Рассказ о чудесах – это комментарий к христианской легенде («дочерний рассказ», по К.В. Чистову), быличка – к странному событию, пословица – к социальной ситуации, личная песня – к жизненным обстоятельствам и состоянию души.

Следовательно, вопрос в заголовке текста может быть переформулирован следующим образом: если устная традиция – в целом комментарий, то как она «работает»? Чем являются отдельные комментарии, как их можно определить, классифицировать? В целом, комментирование оказывается текстопорождающей стратегией – создающей, продолжающей и трансформирующей сюжет (как, в частности, показали в своих работах К.В. Чистов – говоря о материнских и дочерних текстах легенд, С.Ю. Неклюдов – говоря об исторических преданиях). В докладе на материалах фольклора и постфольклора будет рассмотрено, как эмный комментарий «работает» в случае мифологической прозы.

Черванёва Виктория Алексеевна

к. филол. н., доц., вед. науч. сотр. Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ (Москва)

Комментарий к устному тексту как речевой жанр

В докладе пойдет речь о «внутреннем» комментарии к устному тексту – тех ремарках, которыми рассказчик сопровождает свое повествование. Эта проблема стала актуальна (да и вообще стала заметна как научная проблема) в рамках прагматического анализа, рассматривающего коммуникативную ситуацию бытования фольклорного текста как неотъемлемую и важную составляющую фольклорно-творческого процесса. Именно такой подход становится доминирующим не только при анализе фольклорного материала, но и в процессе его сбора и записи. Так, в современных сборниках сказочного фольклора составители стремятся не только зафиксировать сказочный нарратив, но и отразить ситуацию записи, в том числе комментарии исполнителя, реплики собирателя и других участников беседы. Один из

таких сборников¹¹ послужил эмпирическим материалом для моего исследования.

В докладе текст комментария будет рассмотрен как речевой жанр, модель которого, по Т.В. Шмелевой¹², формируется рядом обязательных параметров – коммуникативной цели, образа автора и образа адресата, образа прошлого и образа будущего, параметра диктумного содержания и параметра языкового воплощения.

Как показывает анализ, ключевым параметром, разграничивающим текст сказочного нарратива и комментария, является образ автора – именно различие проекции субъекта речи меняет модальность текста и влечет изменения в характере языкового воплощения диктумного содержания текста.

¹¹ Сказки Центральной России в конце XX – начале XXI веков в записях Е.А. Самоделовой и друзей-фольклористов: тексты / Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2013. Вып. 51. Т. 1. 249 с.

¹² Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997. С. 88–98.

Научное издание

Комментарий как способ понимания устного текста
внутри и вне фольклорной традиции

Материалы круглого стола
(Москва, РГГУ, 20 апреля 2023 г.)

Составитель
В.А. Черванёва